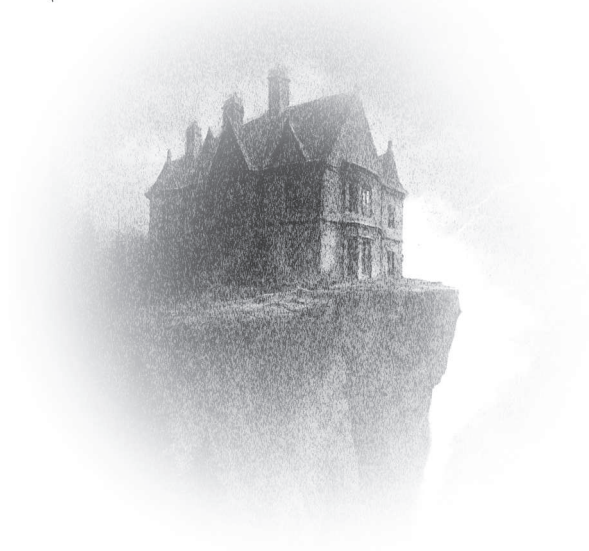

• ЙЕН Р. МАКЛАУД •

ДОМ БУРЬ

Перевод с английского Наталии Осяну

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Ian R. Macleod

THE HOUSE OF STORMS

THE MASTER MILLER'S TALE

Печатается с разрешения автора
и его литературных агентов Zeno Agency (Great Britain)
при содействии Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

В оформлении обложки использована иллюстрация
Василия Половцева

Перевод с английского: *Наталия Осояну*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-153962-7

Copyright © 2005 by Ian R. MacLeod
© Наталия Осояну, перевод, 2025
© Василий Половцев, иллюстрация, 2025
© 000 «Издательство АСТ», 2025

ДОМ
БУРЬ

*Хизер и Джону
с любовью.*

*И спасибо, что позволили мне
позаимствовать имя*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

I

Везя своего сына в Инверкомб, вельграндмистрис Элис Мейнелл была целиком и полностью уверена, что он едет туда умирать. Не то чтобы она утратила надежду — надежда оставалась тем, за что вельграндмистрис цеплялась изо всех сил, — но за годы болезни Ральфа в простых словах обнаружились оттенки смысла, о существовании которых Элис раньше едва ли подозревала.

Она смотрела из окна машины, пока та с рычанием мотора покидала Бристоль. Холодное серое утро еще не до конца прогнало ночь, и Ральф дрожал под одеялами, из его рта вырывались облачка пара, такого же сизого, как и губы. Сперва ночной поезд из Лондона, а теперь — внешне красивый, но на деле довольно холодный автомобиль, едущий по каким-то задворкам, откуда открывались унылые виды на город, всегда казавшийся Элис более чуждым, чем многие отдаленные уголки Континента. Здесь шумные вагончики монорельса ездили высоко над улицами, сложив элементы подвески, будто руки в молитве. А здания! Фестоны из кораллита, который мастера-строители выращивали и подвергали мутациям, казались существами, вылепленными из теста, порождениями муки и воды. Все выглядело кривым, изогнутым, как будто продолжало расти, а розово-голубая гамма превращала город в дет-

скую комнату колоссальных размеров. Какой контраст с аккуратным, упорядоченным Норт-Сентралом. В лучших районах, расположенных вблизи от Клифтонской плотины, фантастические особняки постепенно просыпались, и слуги спешили по тротуарам в лучах гаснущих уличных фонарей отрабатывать дневное жалование. Чуть позже с внезапностью, каковая была абсолютно немислимой в Лондоне, на смену городским видам пришла пустынная местность.

Ральф впервые увидел Бристоль, и вот тот уже исчез. Место, куда они направлялись, располагалось недалеко, однако Элис спросила себя — с ней такое бывало всякий раз, когда им открывалось какое-нибудь новое зрелище, — увидит ли ее сын этот город снова. Она внутренне содрогнулась. Часы, лихорадочные и быстрые, как его пульс, тикали без остановки. Лондон, потом Бристоль, и вот наконец холмистый пейзаж, пока что не тронутый лучами зари, и голые живые изгороди в свете фар.

А что было раньше, что было до того? Баден, затем Париж. Некое местечко в горах. И врачебные кабинеты. Сияние флаконов. Блеск очков. Бесполезные заклинания, произнесенные шепотом. Месяцы и сменницы иной раз сгущались в ее воображении до единственного, бесконечно длинного мгновения, случившегося летним днем в Лондоне, на Кайт-Хиллз, — это был День бабочек, и она с той поры уже не могла относиться к празднику как прежде, — когда Ральф подбежал к матери и закашлялся, и в слюне на его ладошке обнаружили капли крови. С того момента и до нынешнего жизнь превратилась в бесконечную гонку, и время, проведенное в стольких бесспорно красивых и интересных местах, казалось лишь передышкой, прежде чем они снова побегут. Даже здоровый ребен-

нок чувствовал бы то самое изнеможение, какое ощущала она. Все ради того, чтобы познать бесчисленные способы истолкования слова «надежда», которое в конце концов истрепалось до такой степени, что сквозь него просвечивала истина. Но вот настал момент, когда они выехали из долины, и восходящее солнце внезапно показалось из-за плотных туч, пронзило своими лучами беспокойный туман. Впереди ждал Инверкомб, где состоится последняя битва.

Дыхание Ральфа немного выровнялось. Солнце светило ему в лицо, и Элис с болью в сердце увидела, что свет нового дня играет на густом пушке, покрывавшем его щеки. Ральф превращался в мужчину — детство, которым он не наслаждался из-за болезни, осталось позади.

Почувствовав какую-то перемену в ее взгляде, сын повернулся к ней. Над его верхней губой поблескивали капли пота.

— Еще долго?

— Не знаю, дорогой. Я там никогда не была.

— Напомни, как это место называется?

— Инверкомб.

Ральф кивнул и снова уставился в окно. На стекле проступил беспокойный призрак его дыхания.

— Итак, вот он какой — Запад.

Элис улыбнулась и взяла сына за руку, теплую и легкую. Теперь, когда солнце взошло по-настоящему, она вспомнила, каким красивым бывает западный пейзаж даже поздним зимним утром. Бесконечные холмы. Предчувствие, что за следующим поворотом откроется вид на море. Впрочем, она сама не слишком-то хорошо знала эти края. Если не считать городки с домами медового цвета, где ей в былые, молодые и более трудные, годы доводилось по полдня бестолково сидеть на чемодане в

ожидании нужного поезда. И все же Ральф казался воодушевленным, когда смотрел на дорогу, что спускалась к огромному эстуарию и далеким холмам Уэльса. Про Лондон, где они провели несколько дней, с его густыми туманами и бесконечной суетой, не хотелось вспоминать. Да, с учетом всех фактов, которые она не раз пересмотрела, а также странного усиливающегося ощущения, что Инверкомб призывает ее каким-то непостижимым, но значимым образом, решение казалось верным.

— Ты действительно понятия не имеешь, как там все устроено? — пробормотал Ральф.

— Не имею. Но...

Ральф повернулся к матери, и они вместе произнесли нараспев фразу, которую всегда произносили, когда приезжали в новое место.

— Мы скоро узнаем...

Деревья расступились. Взгляду открылись высокие внешние стены, небольшая сторожка у ворот, длинный подъездной путь, справа от которого, за поросшим деревьями лугом, виднелся некий замок или развалины такового, а далее начиналась возвышенность с рисклипами и плантацией вечнозеленых растений, увенчанная приземистым маяком. Нет, скорее всего, это и был тот самый метеоворот.

Элис уже выяснила, что Инверкомб существовал давным-давно. Похоже, римляне построили укрепления на этой обращенной к морю части эстуария реки Северн, и, несомненно, здесь когда-то стоял небольшой замок, который потом разграбили войска Кромвеля. Затем наступила пора, когда английскую землю вновь залило кровью: это случилось после того, как фанатичный одиночка по имени

Джошуа Вагстафф извлек доселе невиданное вещество из камней, которые собирал всю свою жизнь. Он назвал его эфиром в честь пятой формы материи, предсказанной Платоном, и эфир положил начало новой эпохе: все начали искать его, словно одержимые. Благодаря эфиру на земле, где раньше росла только мякина, собирали по бушелю зерна с каждого колоса. Эфир заставлял заевшие оси вращаться. Эфир искажал саму суть бытия. Эфир, помимо всего прочего, означал власть, и торговые гильдии поняли это лучше кого бы то ни было, а потому в войне с королем и церковью добились признания эфира своей собственностью.

После кровопролитных Войн за воссоединение, с началом Первого индустриального века, Инверкомб отстроили заново, из замка он превратился в красивый особняк на грозном мысе, истинную каменную драгоценность, полную новообретенного богатства и открываемых эфиром перспектив. Семья по фамилии Маскотс жила там на протяжении многих поколений, пока их могущество не иссякло, и в конце концов поместье посредством соглашения о банкротстве перешло, как и многое другое, в собственность Великих гильдий. Оно стало всего лишь одним из неисчислимых вложений и владений, небрежно передаваемых из рук в руки согласно завещаниям и брачным контрактам, пока в конце Третьего века не оказалось продано Гильдии телеграфистов, пусть и было сомнительно, что кто-то из ее вельграндмастеров хоть раз навестил новые земли. Так или иначе, бесцельное существование Инверкомба подошло к концу: его превратили в центр разработки технологии, которой с наступлением Нового века предстояло прослыть истинным чудом и стать источником процветания. Желоб старой водяной мельницы расчистили и для обеспечения поместья электричеством

установили генератор, который сам по себе был новшеством. Далее собрали вычислительную машину, еще один образец продвинутой технологии того времени, а на границе угодий построили небольшую, но годную подстанцию. На раннем этапе работ был создан новый вид электрического телеграфа, посредством которого обычные гильдейцы — разумеется, достаточно состоятельные — могли разговаривать друг с другом все равно что лицом к лицу, и профессиональные телеграфисты, пересылающие мысленные депеши, оказались не нужны. Устройство под названием «телефон», это великое изобретение, преобразило весь мир. Но Инверкомбу вновь не досталось славы, и про него все забыли. Заброшенное поместье влачило жалкое существование в хаосе конца последнего Индустриального века, пока его не передали в пожизненную аренду некоему вельмастеру Адемусу Изамбарду Порретту.

Особняк к тому времени наполовину превратился в руины, и бьющийся у подножия утесов морской прибой серьезно подточил его фундамент, но вельмастер Порретт самозабвенно погрузился в восстановительные работы. Элис изучила записи столетней давности, в которых говорилось о том, как в Инверкомбе переделали крышу, отремонтировали генератор, заново отстроили террасы и привели в порядок многочисленные сады. Вельмастер Порретт даже превратил уродливую подстанцию в фолли¹ — бутафорскую крепость с бойницами, — чтобы она не портила вид. С точки зрения Элис, такой объем усилий был необъяснимым для простого пожизненного землевладельца, но самым выдающимся достижением Поррет-

¹ *Фолли*, архитектурный каприз — разновидность садового павильона; миниатюрный замок, крепость, башня, руина или экзотическое здание (пагода и т. д.). (Здесь и далее примеч. пер.)

та оказался метеоворот, чей латунный купол она теперь созерцала: он разместился, точно невысокий маяк, на вершине кирпичной башни с южной стороны холма над желобом водяной мельницы. На палубах парусных судов опытные мореходы использовали такие устройства, чтобы выжать из ветров все возможное, однако идея применить эту штуку на суше для управления погодой в целой долине показалась ей амбициозной до безобразия.

Автомобиль шумно затормозил на изгибе замшелой гравийной дороги. Элис пронизательным взглядом человека, привыкшего оказываться в новых местах, окинула высокие окна и дымоходы, элегантные фронтоны, замысловатое изящество камня и стекла. Особняк оказался даже красивее, чем она себе воображала.

Сделав знак водителю подождать и взглянув на свои наручные часы — было без четверти восемь, — Элис подошла к входной двери и дернула за цепочку звонка. Примерно сменницу назад она послала весточку, что они с Ральфом приедут, но, следуя своему обыкновению, не упомянула точное время и дату. Обычно в этот момент в дверях появлялось шокированное лицо какой-нибудь полуодетой горничной. За годы, прошедшие с тех пор, как Элис вышла замуж за вельграндмастера Тома Мейнелла, она превратила в одно из своих многочисленных кредо необходимость содержать в надлежащем виде все имущество, принадлежащее гильдии. Потому-то Инверкомб и привлек ее внимание. Поместье было относительно небольшим, однако соответствующие ему цифры указывали на колоссальные траты. Ей объяснили, что все дело в сухопутном метеовороте: он оказался слишком мощным, чтобы его можно было полностью вывести из эксплуатации, не разорившись. По какой-то причине — то ли из-за

странного устройства, то ли из-за расположения, которое как будто подразумевало дозор на побережье Бристольского залива, то ли из-за предчувствия, что здесь кроется некая история, — Элис решила дать этому месту еще один шанс. И вот она стояла у дверей, а Ральф замерзал в машине, и ничего не происходило, лишь зеленовато-золотой купол метеоворота сиял сквозь голые ветви. Она вздохнула и потерла вздрагивающую мышцу под правым глазом. Собралась было вновь дернуть за цепочку звонка, как вдруг услышала — или, скорее, почувствовала — чье-то присутствие за спиной. Медленно повернулась, всецело уверенная, что не увидит ничего, кроме иллюзий, порожденных усталостью. Но там стояла крупная негритянка.

— Добро пожаловать в Инверкомб, вельграндми-стрис, — сказала она и присела в реверансе. — Я Сисси Даннинг, экономка этого поместья...

II

Важнее всего, как обычно, был Ральф. Она нашла ему самую лучшую и просторную комнату, обставленную старинной, но почти не тронутой мебелью и отделанную красивыми, добротными на вид деревянными панелями. Огромный матрас на зелено-золотой кровати с балдахином выглядел — с точки зрения Элис — достаточно чистым, за французскими окнами без осязательных сквозняков был балкон с видом на прекрасные юго-западные сады, а в камине уже потрескивал огонь.

Она нашла удобный диван и велела перенести его в комнату Ральфа, чтобы там отдыхать и, при необходимости,